

Геннадий Булин

Антверпен /авторский перевод/

18+

Геннадий Булин

Антверпен /авторский перевод/

«Автор»

2026

Булин Г.

Антверпен /авторский перевод/ / Г. Булин — «Автор», 2026

Лёжа в больнице, можно заняться переводом. Самое то место. Получается, что получилось.

© Булин Г., 2026

© Автор, 2026

Геннадий Булин

Антверпен /авторский перевод/

РОБЕРТО БОЛАНЬО

АНТВЕРПЕН

Roberto Bolaño
Antwerp
for Alexandra Bolaño and Lautaro Bolaño

ПОЛНАЯ АНАРХИЯ: ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА СПУСТЯ

«ЕДИНСТВЕННЫЙ РОМАН, КОТОРЫЙ МЕНЯ НЕ СМУЩАЕТ, — ЭТО "АНТВЕРПЕН"».

— РОБЕРТО БОЛАНЬО

Я написал его для себя, но даже в этом не могу быть уверен. Долгое время это были просто разрозненные тексты, которые я перечитывал и, возможно, корректировал, убеждённый, что у меня не хватает времени. Но времени на что? Не знаю. Я написал эту книгу для призраков, они вне времени, поэтому только у них есть время. После последнего перечитывания (только что) я понял, время — не единственное, что имеет значение, время — не единственный источник ужаса. Удовольствие может быть пугающим, да и смелость тоже. В те дни, если не изменяет память, я жил на улице, без документов. И, конечно же, не носил этот роман ни в одно издательство. Они б выгнали меня, и я бы потерял экземпляр. Я даже не сделал того, что называется «чистой копией». В оригинальной рукописи было больше страниц: текст размножался сам по себе, подобно заразной болезни. В то время моей болезнью были надменность, ярость и насилие. Всё это выматывает. Я проводил дни в бесполезной усталости. Работал по ночам. А днём писал и читал. Я никогда не спал. Чтобы не заснуть, пил кофе и курил. Естественно, я встречался с интересными людьми, некоторые из них были плодом моих галлюцинаций. Думаю, это был мой последний год в Барселона. Презрение, которое я испытывал к так называемой официальной литературе, было огромным, хотя ненамного больше, чем к маргинальной литературе. Я не верил ни в успех, ни в оппортунизм, ни в нащёптывания подхалимов. Я верил в судьбу. У меня ещё не было детей. Я всё ещё читал больше стихов, чем прозы. В те годы (или месяцы) меня тянуло к писателям-фантастам и порнографам, иногда к настолько противоположным авторам, как будто пещера и электрический свет были взаимоисключающими понятиями. Я читал Нормана Спинрада, Джеймса Типтри-младшего (настоящее имя которого Элис Шелдон), Рестифа де ла Бретонна и де Сада. Я также читал Сервантеса и древнегреческих поэтов. Когда я заболел, я перечитал Манрике. Однажды ночью я придумал схему, как зарабатывать деньги вне закона. Небольшое преступное предприятие. Основная идея заключалась в том, чтобы не разбогатеть слишком быстро. Мой первый сообщник, ужасно грустный аргентинский друг, отреагировал на мой план высказыванием, которое звучало примерно так: «если тебе приходится сидеть в тюрьме или в больнице, то лучшее место для этого — твоя собственная страна». Его ответ не произвел на меня ни малейшего впечатления, потому что я чувствовал себя одинаково далёким от всех стран мира. Позже я отказался от своего плана, обнаружил, что это даже хуже, чем работать на кирпичном заводе. Над моей кроватью висел листок бумаги, на котором я попросил друга из Польши написать по-польски

«Полная анархия». Я не думал, что доживу до тридцати пяти. И был счастлив. Затем наступил 1981 год, и не успел я опомниться, как всё изменилось.

BLANES, 2002

Роберто БОЛАНЬО
АНТВЕРПЕН

Когда я размышляю о том, как короткий промежуток моей жизни растворяется в бесконечности, что предшествует и следует за — memoria hospitis unius diei praetereuntis — о том небольшом пространстве, которое я занимаю и которое, как мне кажется, поглощается бесконечной необъятностью пространств, о которых я ничего не знаю, и они ничего не знают обо мне, я поражаюсь, видя себя здесь, а не там: нет причин быть здесь, а не там, сейчас, а не тогда. Кто поместил меня сюда? По чьему приказу мне было отведено это место?

— ПАСКАЛЬ

1. ФАСАД

Однажды сфотографированная жизнь заканчивается здесь. Это почти символично для Голливуда. Внутри Тары нет комнат. Это был всего лишь фасад.

— Дэвид О. Селзник

Мальчик идёт к дому. Аллея лиственниц. Фронда. Ожерелье слёз. Любовь — это смесь сентиментальности и секса (Берроуз). Особняк — всего лишь фасад: разобранный, чтобы быть возведённым в Атланте. 1959. Всё выглядит изношенным. Это не новость. Давно всё разрушено. Испанцы подражают твоей манере говорить. Южноамериканская певучесть. Пальмовая аллея. Всё медленное и астматичное. Скучающие биологи наблюдают за дождём из окон своих корпораций. Петь с чувством — ни к чему. Дорогая моя, где бы ты ни была: теперь уже слишком поздно, забудь о жесте, который так и не случился. «Это был всего лишь фасад». Мальчик идёт к дому.

2. СИЛА ВЕТРА

Шоссе-близнецы пересекают вечер, всё указывает, что памяти и тонким чувствам конец, как арендованному автомобилю туриста, что неосознанно попадает в зону боевых действий и никогда не возвращается, по крайней мере, на машине, как человек, что мчится по шоссе, протянувшемуся через зону, которую его разум отказывается воспринимать. Барьер, точка исчезновения (прозрачный дракон), и в новостях Софи Подольски погибла в Бельгии, девушка из исследовательского центра Монфокона (запах, неподходящий для женщины), и пересохшие губы произносят: «Я вижу официантов, нанятых на лето, идущих по пустынному пляжу в восемь часов вечера» ... «Медленные движения, реальные или нереальные, не знаю» ... «Группа людей, покрытых песком» ... «На мгновение толстая одиннадцатилетняя девочка осветила общественный бассейн» ... «Значит, Колан Яр тоже охотится за тобой?» ... «Шоссе, полоса прерии с черными крышами?» ... Мужчина сидит за столиком кафе в гипотетическом гетто. Он пишет открытки, потому что дыхание мешает ему писать стихи, которые он хотел бы написать. Я имею в виду: бесплатные стихи, без дополнительных налогов. В его глазах — обнажённые тела, выходящих из моря. А потом остаётся только пустота. «Официанты прогуливаются по пляжу» ... «Вечерний свет рассеивает наше ощущение ветра» ...

3. ЗЕЛЁНЫЕ, КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ КЛЕТКИ

Теперь он, или половина его, поднимается по волне. Волна белая. Он сел на поезд, следующий не туда. Он единственный в купе, шторы открыты, сумерки прилипли к грязному стеклу. Быстрые, тёмные цвета разворачиваются по чёрной коже сидений. Мы создали тишину, чтобы он мог хоть как-то работать. Он закуривает сигарету. Коробка спичек цвета сепии. На крышке рисунок шестиугольника, составленного из двенадцати спичек. Написано: «Игра со спичками», цифра 2 в верхнем левом углу указывает, что это вторая игра серии. Игра называется «Великий побег из треугольника». Теперь его внимание останавливается на бледном предмете. Через некоторое время он понимает, что это квадрат, который начинает распадаться. То, что сначала казалось ему экраном, превращается в белый прилив, белые слова, стёкла, прозрачность которых сменяется слепой и вечной белизной. Внезапный крик привлекает его внимание. Короткий звук подобен цвету, поглощённому трещиной. Какому цвету? Фраза «Поезд остановился в северном городе» отвлекает от движения теней на соседнем сиденье. Он закрывает лицо пальцами, широко расставив их, чтобы заметить любой приближающийся предмет. Ищет сигареты в карманах куртки. С первой затяжкой ему приходит в голову, что моногамия движется с той же неподвижностью, что и поезд. Облако дыма покрывает лицо. Ему кажется, что слово «лицо» создаёт собственные голубые глаза. Кто-то кричит. Он смотрит на свои ноги, стоящие на полу. Слово «ботинки» никогда не поплывёт по воздуху. Он вздыхает, смотрит на окно. Кажется, над землёй опустился более тёмный свет. Будто свет в моей голове, думает он. Поезд ползёт вдоль опушки леса. Местами видны следы недавних пожаров. Он не удивлен, что на опушке никого нет. Но именно здесь, в нескольких милях вглубь леса, живёт маленький горбун. Я сказал ему, с меня хватит. Здесь водятся кролики и крысы, похожие на белок. Лес граничит с шоссе на западе и железнодорожными путями на востоке. Неподалёку — сады и вспаханные поля, а ближе к городу — загаженная река, вдоль которой — свалки да цыгане. Дальше — море. Горбун открывает банку с едой, прислонившись горбом к небольшой гнилой сосне. Кто-то крикнул в другом конце вагона, возможно, женщина, подумал он про себя, туша сигарету подошвой. Его рубашка с длинными рукавами, хлопковая, в зелёно-красно-белую клетку. Горбун держит левой рукой банку сардин в томатном соусе.

Он ест. Его взгляд скользит по листе. Он слышит поезд.

4. Я САМ СЕБЕ НАВАЖДЕНИЕ

Призраки площади Реаль — на лестнице. Натянув одеяло до самых ушей, мокрый от пота, бормочу бессмысленные слова и слышу, как они шаркают вокруг, щёлкают выключателями, невыносимо медленно забираются на крышу. Я — луна, осмеливается кто-то. Когда-то в банде я держал на мушке араба и нажал на спусковой крючок в самый неподходящий момент. Узкие улочки в сердце Дистрикто V — не уйти, не изменить судьбы, что сползала по моим сальным волосам, точно джеллаба. Слова уплывают друг от друга. Вечные городские игры. «Франкфурт». «Светловолосая девушка в самом большом окне отеля». «Теперь я уже ничего не могу поделать». Я сам себе наваждение. Мои руки движутся по фреске, где кто-то — на восемь дюймов выше меня — стоит в тени, сунув руки в карманы куртки, готовясь к смерти, к своей последующей прозрачности. Чужая речь для меня непонятна. «Устал после нескольких суток без сна». «Светловолосая девушка спустилась по лестнице». «Меня зовут Роберто Боланьо». «Я обнимаю вас». .

5. СИНИЙ

Кемпинг Калабрийской коммуны, согласно сенсационной статье в PEN. Преследуемый местными: внутри кемпинга отдыхающие ходили голыми. Шестеро погибли в окрестностях. Почти дети. «Это были отдыхающие». «Точно не местные». За несколько месяцев до этого их посетила антитеррористическая бригада. «Они вышли из-под контроля, я имею в виду, занимались сексом повсюду: группами и где вздумается». «Сначала держались особняком, делали это только в кемпинге, но в этом году трахались на пляже и прямо за городом». Полиция допрашивает местных жителей: «Я этого не делал,» говорит один, «если бы кто-то поджёг их, вы могли бы обвинить меня, такое приходило мне в голову не раз, но у меня не хватит духу застрелить шестерых детей». Может быть, это мафия. Может, они покончили жизнь самоубийством. Может, всё это сон. Ветер в скалах. Средиземное море. Синий.

6. РАЗУМНЫЕ ЛЮДИ ПРОТИВ НЕРАЗУМНЫХ

«Они заподозрили меня с самого начала». «Бледные мужчины видели скрытое в пейзаже». «Кемпинг, лес, теннисный клуб, школа верховой езды — дорога уведёт тебя далеко, если ты хочешь уйти далеко». «Они подозревали, что я шпион, но что, блин, за шпион». «Разумные люди против неразумных». «Тот парень, который тут бегаёт, его не существует». «Он зачинщик всего этого». «Но мне тоже снились девушки». «Люди, которых мы знаем, те же лица, что и прошлым летом». «Та же нежность». «Теперь время всё смывает». «Идеальная девушка заподозрила меня с самого начала». «Я всё это выдумал». «Никакого шпионажа и прочего такого дерьма». «Всё было настолько очевидно, что они отказались в это поверить». .

7. НИЛ

Грядущий ад. . Софи Подольски давно покончила с собой. . Ей было бы сейчас двадцать семь, как мне. . Египетские узоры на потолке, рабочие медленно приближаются, пыльные поля, конец апреля, им платят героином. . Я включил радио, безразличный голос зачитывает список арестованных. . «Полночь, ничего не сообщается». . Девушка, которая писала драконов, смертельно, твою мать, уставшая от всего этого, где-то в дыре Брюсселя. . «Автоматы, пистолеты, старые гранаты». . Я один, всякая литературная херня постепенно отваливается — поэтические журналы, напечатанные издания, вся эта тоскливая комедия теперь позади. . Дверь открылась с первого удара ногой, чувак упёр ствол тебе под подбородок. . Заброшенные здания Барселоны — приглашение покончить с собой. . Солнце на Ниле за занавеской из пыли. . Закат. . Босс платит героином, батраки нюхают его в бороздах, на одеялах, под нацарапанными пальмами, которые кто-то потом вычищает. . Бельгийская девушка писала как звезда. . «Ей было бы сейчас двадцать семь, как мне». .

8. УБОРОЧНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Осанна шоссе и этим мгновениям. Зонты, брошенные бомжами около торговых центров, где на дальних концах возвышаются белые супермаркеты. Лето, полицейские пьют в задней комнате бара. Рядом с музыкальным автоматом девушка слушает последние хиты. Примерно в то же время кто-то идёт — далеко отсюда, прочь отсюда, без планов вернуться. Голый мальчик, сидящий около палатки в лесу? Девушка ввалилась в туалет и начала блевать. Если задуматься, нам на Земле отведено не так много времени, чтобы устроить свою жизнь: я имею в виду, слепить хоть что-то, жениться, ждать смерти. Её глаза в зеркале — как буквы, разложенные веером в тёмной комнате; сжавшееся тело, зарывшееся в постель рядом с ней. Мужчины говорят о мёртвых преступниках, о гордости домов на побережье, о дополнительной зарплате. Однажды

я умру от рака. Уборочный инвентарь начинает левитировать у неё в голове. Она говорит: я могла бы продолжать и продолжать. Парень вошёл в комнату и схватил её за плечи. Они плакали, как персонажи разных фильмов, спроецированные на один экран. Красная сцена: тела, открывающие газ. Красивая рука открыла газ. Выбери словосочетание: «Я избежал пытки» ... «Неизвестный отель» ... «Больше никаких дорог» ...

9. ОБЕЗЬЯНА

Назвать — значит восславить, сказала девушка (восемнадцать, поэтесса, длинные волосы). Время для машины скорой помощи, припаркованной в переулке. Фельдшер затушил сигарету о подошву и покосолапил вперёд, как медведь. Хочется, чтобы жалкие люди в окнах выключили свет и легли спать. Кто был первым человеком, посмотревшим в окно? (Аплодисменты.) Люди устали, не удивлюсь, если однажды они встретят нас градом пуль. Наверное, обезьяна. Не могу связать двух слов. Не могу выражаться связно, писать то, что хочу. Наверно, мне стоило бы всё бросить и уйти — разве не так поступила Тереза Авильская? (Аплодисменты и смех.) Обезьяна, выглядывающая из гнилого окна, смотрит, как тает дневной свет. Фельдшер подошёл к месту, где курил сержант; они едва кивнули друг другу, не встречаясь взглядами. Сразу было ясно, что он умер не от сердечного приступа. Он лежал лицом вниз, и в его спине, его коричневом свитере, виднелись пулевые отверстия. В него выстрелили из автомата, сказал карлик, стоявший слева от сержанта. Вдалеке слышались звуки протестного марша. Лучше уйти, пока они не перекрыли улицу, сказал карлик. Сержант, казалось, не слышал его, погружённый в созерцание тёмных окон, из которых люди наблюдали за сценой. Потопимся. Но куда нам идти? Здесь нет полицейских участков. Назвать — значит восславить, сказала девушка, смеясь. Та же страсть, возведённая в бесконечность. Машины останавливаются между выбоинами и мусорными баками. Двери, которые открываются — тут же закрываются. Фиг знает, почему. Двигатели, уличные фонари, машина скорой помощи сдаёт назад. Час набухает, лопается. Наверное, это была обезьяна на верхушке дерева.

10. НИЧЕГО НЕ БЫЛО

Ни полицейских участков, ни больниц, ничего. По крайней мере, из того, что можно купить за деньги. «Мы действуем по мгновенным импульсам» ... «Это такая штука, которая разрушает бессознательное, а потом мы останемся висеть» ... «Помнишь анекдот про тореадора, который выходит на арену, а там ни быка, ни арены, ничего?» ... Полицейский вдыхал анархические сквозняки. Кто-то начал хлопать.

11. СРЕДИ ЛОШАДЕЙ

Мне приснилась женщина без рта, говорит мужчина в постели. Я не смог сдержать улыбку. Поршень выталкивает образы наверх. Слушай, говорит он ей, я знаю другую историю, такую же печальную. Живёт на окраине города писатель. Зарабатывает на жизнь в школе верховой езды. Всё, что ему нужно — комната и время читать. Но однажды он встречается с девушкой из другого города и влюбляется. Они решают пожениться. Девушка переедет к нему. Возникает первая проблема: найти жильё для двоих. Вторая проблема — где взять деньги. Одно цепляется за другое: работа с постоянным доходом (на конюшне он работает за процент, плюс жильё, питание и небольшое ежемесячное пособие), привести документы в порядок, встать на учёт в соцобеспечении и так далее. Но сейчас ему нужны деньги, чтобы доехать до города, где живёт невеста. Друг предлагает попробовать писать статьи для журнала. Он прикидывает: первых четырёх хватит на автобус туда и обратно и, может быть, на несколько дней в дешёвом отеле.

Пишет своей девушке, что едет. Но не может закончить ни одной статьи. Вечерами сидит в баре при школе верховой езды, пытается писать — но не может. Как говорится в просторечии, ничего не выходит. Писатель понимает, что он конченный. Всё, что он пишет — короткие криминальные рассказы. Поездка отдалается, теряется, он автоматически выполняет свою работу среди лошадей.

12. ИНСТРУКЦИИ

С инструкциями в конверте я покинул город. Ехать было недалеко, миль десять на юг вдоль прибрежного шоссе. Я должен был начать расследование на окраине туристического городка, которую стали заселять мигранты. У некоторых была работа в городе, у других — нет. Места, которые мне предстояло посетить, обычные: пара отелей, кемпинг, полицейский участок, ресторан, заправка. Солнце пекло в окна машины — непривычно для октября. Однако воздух был холодным, и почти пустое шоссе. Я проехал мимо череды заводов. Затем — казармы артиллеристов, сквозь открытые ворота я увидел группу новобранцев, курящих с видом, далёким от военного. Шестью милями дальше я въехал в нечто вроде леса, перемежающегося домами и многоквартирными зданиями. Припарковался за кемпингом и немного прошёлся, смоля сигарету, не зная, что делать. В двухстах ярдах, прямо передо мной, появился поезд. Это был синий поезд, максимум из четырёх вагонов. Почти пустой. Я развернулся. Несколько раз нажал на звонок, но никто не вышел поднять шлагбаум. Дорога из гравия, в тени сосен, по обе стороны, стояли палатки и автодома, почти замаскированные растительностью. Помню, я отметил, что это похоже на джунгли, хотя в джунглях никогда не был. В конце дороги, около поворота, что-то двигалось, затем показался мусорный бак, который катил старик. Я помахал. Он подошёл, с видом смирения, таща за собой бак. Я из полиции, сказал я. Он поклялся, что никогда не видел того, кого я ищу. Вы уверены? — спросил я, протягивая ему сигарету. Он сказал, что абсолютно уверен. Примерно такой же ответ я получил от всех. Сумерки застали меня в машине, припаркованной на Пасео Маритимо. Я достал инструкции. Верхний свет не работал, так что пришлось читать при помощи зажигалки. Несколько напечатанных листов с рукописными правками. Нигде не говорилось, что мне делать. Прилагались чёрно-белые снимки. Я внимательно их изучил: это был тот самый участок Пасео Маритимо, где я сейчас находился. «Наши истории печальны, сержант, их нет смысла понимать»... «Мы никому никогда не причинили вреда»... «Нет смысла их понимать»... «Море»... Я скомкал бумаги и выбросил в окно. Включил приёмник на местной радиостанции, выключил. Закурил. Закрыл окно, продолжая смотреть прямо перед собой, на пустынную улицу и заколоченные дома. Вот бы пожить в одном из них зимой, они, должно быть, дешёвые, сказал я себе, не в силах подавить дрожь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.